

- Астрахань.
- Норильск.
- Кенигсберг.
- Говори по человечески – Калининград, – поправил его папа.

Пете всегда больше нравился Кенигсберг – он отдавал чем-то ликерным, с привкусом горького шоколада. А Калининград скорее был похож на обычную кислую клюкву.

- Ну Калининград, ладно, – исправился Петя.

Ему не хотелось спорить с папой. Тем более что он был прав: Кенигсберг – это название старое, а потому не считается. Папа хлебнул чаю, серьезно сморкнулся в платок, продолжил:

- Дмитров.

И выдав «Дмитров», он снова залип в телик. Там крутили какую-то советскую тягомотину. Петя взял из большой древней пиалы в белый цветочек конфетку. Медленно развернул золотистую обертку. Это был «Осенний вальс». Конфеты в принципе ничего такие, но ему больше нравилась «Ласточка». «Ласточки» нравились ему с детства и так и остались его самыми любимыми конфетами. Если б он умер, он бы и в гроб положил бы себе пару «Ласточек», ну или хотел бы, чтобы кто-нибудь положил.

- Маня! – заорал отец.

- А? – откликнулась мама, которая шумела краном и трещала грязной, сваленной в раковину после ужина посудой.

- Б! Дмитров, – сказал он, не отрываясь от телика.
- Ну Дмитров так Дмитров, – выдохнула она. – Ви-тебск.

«Вот всегда он так орет, как будто пожар, ей-бо-гу!» – подумал Петя. Впрочем, мама действительно очень часто забывала свою очередь, и ее то и дело приходилось окликать. Петя положил конфету в рот и хлебнул горячего чаю. Обжег язык и противно закашлялся. Сделал еще глоток. Отчетливо почувствовал неприятное дежавю. Это дежавю неприятно было в первую очередь какой-то своей бессмысленной тривиальностью. То есть ну да, было, удивили. И не пойми от чего Пете вдруг стало тоскливо и грустно. И не пойми от чего расстраивало намного больше, чем любая настоящая причина. Может, потому, что причин было очень много? Погода – промозглая. А еще забыл шарф, и будет холодно идти по проспекту домой. Работа не очень. Вот зашел к родителям повидаться, а получалась в итоге скучная тягомотина, как в телике. И вот еще язык зудит. И осенний орешек из-под конфетки вальсанул не в то горло. И город на К, как назло, не приходит в голову. «Коктебель! Не, сраный Коктебель уже был...»

- Калуга, – выдал наконец-то Петя.

Петя вздохнул и зло поджал губы. Дежавю тем временем плескалось перед ним, словно издеваясь, и все вокруг, даже самое хорошее, почти святое, показалось вдруг Пете избитым и бессмысленным. Он аккуратно свернул фантик вчетверо, затем снова развернул его и слепил шарик. Его вдруг стало невыносимо раздражать папино сёрбанье чаем. А еще его серьезные откашливания и обильные сморкания в платочек. Да и мамина суета тоже – ее усталые цоканья и ленивые охи – хоть и нечаянно, но ужасно Петю раздражали.

– Угу, – одобрил отец и задумался.

Сколько Петя себя помнил, они все время играли в города. С самого детства. Города. Города. Города. Иногда, бывало, резались в морской бой или в дурачка, но это было скорее исключением, праздником, что ли. На лавочке в парке, в машине на дачу, на пляже с кукурузкой, на койках в плацкарте, у бабушки в гостях, просто вот так, сидя на кухне и зря телик – везде царствовали города. Было только одно правило, но оно было свяшенно – играли исключительно в города России. Никаких тебе Гамбургов или Нью-Йорков с Бомбеями. Все только наше, родное.

– Александров.

Раньше Петя пытался спорить, но напрасно. С папой вообще многое было напрасно. Этим можно было даже восхищаться, находить что-то хорошее, если бы не выглядело порой таким жестоким и тупым.

– Вязьма. – Папа аккуратно и важно погладил поверхность стола, словно Вязьма значила что-то большее, чем все остальные города.

Петя украдкой поглядел на него и на автомате, как и он, уставился в ящик. Шла документальная нарезка кадров Второй мировой или типа того под заунывную классическую музыку: бегущие люди, взрывы авиабомб, прощающиеся с родителями дети.

– Архангельск.

Мама уютно хлопала шкафчиками, возилась с мисками, стучала ложками с вилками, что-то при этом напевая и бубня под нос. Петя вздохнул и зло поджал губы. Дежавю тем временем плескалось перед ним, словно издеваясь, и все вокруг, даже самое хорошее, почти святое, показалось вдруг Пете избитым и бессмысленным. Он аккуратно свернул фантик вчетверо, затем снова развернул его и слепил шарик. Его вдруг стало невыносимо раздражать папино сёрбанье чаем. А еще его серьезные откашливания и обильные сморкания в платочек. Да и мамина суета тоже – ее усталые цоканья и ленивые охи – хоть и нечаянно, но ужасно Петю раздражали.

«А ведь могли бы, в конце концов, о чем-нибудь поговорить, – думал Петя. – Ну, например, вот об этом унылом фильме». Петя представил себе разговор и сразу понял, что разговора не получилось бы. И даже не потому, что фильм нудняк, а просто потому, что Петя с родителями если и говорили, то очень редко, и случалось это приблизительно так же часто, как игры в дурачка или в морской бой.

– Ну как на работе, Петь? – Мама наконец закончила убираться и села за стол. Налила себе чаю. Добавила ложечку сахарного песка. Размешала по часовой стрелке. Все как обычно.

И на работе у Пети тоже по часовой. Как обычно. Работа как работа. Когда как хреновая, когда как даже ничего. Что тут расскажешь?!

– Ничего, – ответил он.

Получилось довольно грубо, но сказать больше, чем «ничего», он не мог. Петя сделал усилие, чтобы придумать, о чем поговорить или о чем он мог бы рассказать, но в голову лезла одна дрянь. Позавчера он напился с друзьями в пивнухе, и на него опасно быковал у метро жирный хряк. Хряка быстро угомонили его же кореша и засунули на заднее сиденье в машину, откуда он еще продолжал что-то

вякать, смешно пытаюсь перекричать газанувшую вместе с ним «мицубиси». А вчера он опоздал на работу и получил выговор от старшего Ивана, отвратительного типчика с морем маленьких прыщиков на лбу. Завтра, кстати, на работу, и опаздывать нельзя, поэтому Петя бросил себя насиловать и тут же решил медленно допить остатки чая и свалить домой.

– Воркута, – брякнул папа.

– Анапа, – добавила мама.

– Я пойду уже, наверное, – сказал Петя, – завтра вставать на работу...

Мама слабо улыбнулась. Так же слабо закивала головой. От маминой улыбки и трогательного, одновременно понимающего и не понимающего кивания головой Петя совсем расстроился и пожалел, что сидит тут такой грустный, скучный и злой непонятно на что. Он вдруг понял, что разозлился не только ни за что, но и не за чем. Просто так. То есть то, что разозлился, в общем-то и ничего, но мог бы и не злиться. И даже осточертевшие города внезапно стали трогательными и нелепыми, как будто в последний раз. Чувство, что это уже было когда-то именно в таком непередаваемом порядке, вновь хлынуло ему в голову и зазвенело: было, есть, было, есть! Бубнящий телевизор. Подрыгивающий про себя папа. Мама напротив, облокотившаяся о стол, с блуждающими по нему глазами. Все это уже было. А вот оно сейчас снова есть. И невозможно скоро уже никогда не будет. Папа внимательно посмотрел на него своими серыми водянистыми глазами.

– Анапа, спим?!

– Алушта, – медленно, словно прощаясь, сказал Петя.

Все прошло. Вернее сказать, вернулось на свое место. Петя допил чай. Хапанул с собой в дорогу пару конфет. Встал из-за стола.

– Ну ладно, мне пора.

Мама пошла его провожать, спрашивая, когда он приедет снова, и он всякий случай сказал, что, может быть, на следующей неделе, что позвонит и так далее. Петя уже стоял одетый в дверях, когда папа с кухни заорал:

– Армавир тебе в дорогу!

– Ой, подожди, Лешенька, со своим Армавиром! – крикнула мама.

Она спросила у него, все ли хорошо. Петя соврал и сказал, что да, все хорошо. Затем соврал про небольшую головную боль.

Петя уже спустился по лестнице вниз и открыл дверь подъезда, когда ему в голову врезалась Рязань. Он не удержался и сказал вслух:

– Рязань.